

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРИ

*Материалы XV научного
семинара-симпозиума Сибирского
регионального вузовского центра по фольклору*

ББК 63.3(2P5)-7

Н 301

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Омского государственного
педагогического университета

Редакционная коллегия: докт. филолог. наук, проф.
Т. Г. Леонова (отв. редактор);
канд. искусствоведения, доц.
Н. В. Леонова;
канд. филолог. наук, доц.
В. А. Москвина.

Н 301 **Народная культура Сибири:** Материалы XV научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. – 224 с.

ISBN 5-8268-0963-9

В данном сборнике публикуются информация о XV научном семинаре-симпозиуме Сибирского РВЦ по фольклору и тексты докладов, сообщений или написанные на их основе статьи.

*Издание осуществлено при финансовой
поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 06-04-140722).*

ISBN 5-8268-0963-9

© Коллектив авторов, 2006
© Омский государственный
педагогический университет, 2006

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

С. А. Мусеева

МИФОЛОГИЯ МАСЛЕНИЧНЫХ РИТУАЛОВ РУССКИХ СЁЛ БЕЛОРЕЦКОГО РАЙОНА БАШКИРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ КОНЦА XX ВЕКА)

Большинство масленичных ритуалов в локальной традиции совершалось женщинами разных возрастных групп, среди которых особо выделяются две: старухи и молодые женщины. Язык противопоставляет их по признаку плодность и неплодность, т. е. молодуха, молодка обладает способностью к продолжению жизни, а старуха символизирует конец жизни, смерть, т. к. не способна продолжить жизнь. На наш взгляд, представители этих двух резко противоположных социально-возрастных групп неслучайно являются активными участниками Масленицы – праздника пограничного типа, «как бы символизируя непрерывность качественного обмена, наследование и переход как временной процесс, вечность и временность во всех парадоксах и их связях» [3, с. 265]. *«На Масленицу катались старухи на санях... Согнутся, подпояшутся и катаются с горы. Это чтобы лен был хороший. И мама моя каталась»* (О. Н. Беляева 1913 г. р.). *«На Масленицу старухи по-молодучьи подвязывались и катались на санях»* (Н. Е. Телятникова 1912 г. р.).

Таким образом, функции старухи с ее угасшей энергией в Масленицу имели отношение к сфере стимуляции, т. е. обнаруживали опосредованную связь с обрядами плодоносящего и воспроизводящего свойства (*«чтобы лен был долгий»*). Обычай повязывать *«по-молодучьи»* платки старухами, катающимися с горы, возможно, связан с мотивом «обновления / омоложения» сообщества. Тем более, что катание с горы на Масленицу может рассматриваться как «форма опосредованного контакта с землёй» [1, с. 175]. Соответственно, «катание с горы» следует поставить в один семантический ряд с мотивом «валяния / кувыркания / оборотничества» – переменной / обновлением.

Молодежь, в отличие от старух, каталась на специально приготовленных «ледянках». *«С горы ледяной катались. Я корыт не знаю сколько с навозом перелепила своими руками! К Масленице их подморозишь, намажешь их, опрокинешь, замёрзнут. На следующий день ещё водой обольёшь, и хорошо. Вот Масленицу проводили, и кареты*

наши остаются – больше не катаются» (А. Ф. Чертихина 1911 г. р.). В данном контексте использование кала – продукта «низового» происхождения, в трактовке М. М. Бахтина, способа «приобщения к земле как поглощающему и одновременно рождающему началу» [2, с. 28], вписывается в семантический код «телесного низа». Именно молодежь брачного возраста обладала потенциальной возможностью продолжить род, дать начало новой жизни.

Специфичной формой масленичных региональных развлечений было катание на каруселях: в центре вертикально устанавливали кол и заливали его навозом, на кол насаживали колесо, к которому крепили с помощью жердей санки. На колесо садился мужчина, есть отдельные свидетельства информантов о том, что этот мужчина был в вывернутой шапке (атрибут ряженого – представителя «предков»), ему вменялась обязанность кружить это устройство.

Дальнейшее развитие тема масленичных катаний получила в различных формах проезжания улиц на ряженных лошадях. Самой распространенной формой является катание молодых девушек по центральным улицам села. Скорее всего, это была своего рода демонстрация незамужних девушек, возможно, именно данный момент для девушек брачного возраста являлся началом их следующего матримониального года. Причем, катание девушек, в основном, происходило в первый день Масленицы, что связано с семантикой начала.

Следующие масленичные поезда устраивались для парной молодежи брачного возраста. Особенностью таких поездов был их смешанный состав: в сани усаживались и парни, и девушки; часто девушка сидела на коленях парня, публично демонстрируя свои симпатии в выборе пары. Лошадей, запряженных в такие поезда, специально украшали ленточками, колокольчиками, плели косички. В Ломовке коней для таких поездов иногда подпаивали «бражкой, пивом, чтоб веселей шли», что может быть связано с мотивами «хмеля» и «всеобщего веселья» в контексте брачной символики, а также с мотивом «страха – испытания – перехода», имеющим инициационную символику. *«Страшно было, ведь и растрепать лошадь-то могла – подпитая»* (В. Штырляев 1927 г. р.).

Наивысшей фертильностью и сексуальной силой обладала пара молодоженов, которых начинали катать с четверга. Для молодоженов обязательно готовили специальные каретки – тарантасы, в которых было только два места. Особое внимание к молодоженам в регионе проявилось и в ритуалах социально-адаптирующего типа, связанных с приглашением и потчиванием их в семье родителей молодухи. *«На Масленицу обычай в Авзяне – зять идет к теще с подарком. Зять идет – смотришь, наряженный, жакетка меховая, у жены – шаль пуховая поверху, концы назад завязаны»* (М. С. Копытова 1935 г. р.).

Таким образом происходило общественное, публичное закрепление статуса молодоженов.

В последних трех типах катания на лошадях, активно бытовавших в регионе до середины XX в., а в Тирляне вплоть до 1980-х гг., отразились мотивы «смерти» и «контакта с предками», связанные с темой плодородия, фертильности и воспроизводства. «На Масленицу старые люди тройку запрягали. Листовушку бабы, пещкю, на сани ставили и ехали» (А. П. Савельева 1930 г. р.). Обращает на себя внимание, во-первых, что старые женщины запрягали тройку лошадей, и, во-вторых, ехали на санях / салазках. В региональной традиции известно представление о том, что «смерть» за человеком приезжает на тройке. «Перед смертью сына видела я во сне: подлетела к воротам тройка, видела я только лошадей. И вот тройка свалила забор, смяла все цветы, подперла ворота. И умер у меня сын. Смерть на него налетела, как тройка, быстро» (О. Ф. Елисеева 1925 г. р.). В Н. Авзяне старики наказывали: «Вы смотрите, меня на машине не везите, если не будет лошади, лучше на салазках везите» (О. И. Беляева 1913 г. р.). Вероятнее всего, лошадь, запряженная в телегу, является трансформированной заменой салазок и лубка, которые были специальными предметами снаряжения в путь на «тот свет». По сведениям Н. Н. Велецкой, стариков «зимой вывозили на санях и, привязав к лубку, спускали в глубокий овраг, или сажали на сани и вывозили в мороз в поле или степь или раздорожье» [5, с. 51]. Таким образом, масленичная традиция катания стариков на тройках по улицам села может являться рудиментом языческого ритуала проводов на «тот свет», доминирующими мотивами которого и было определение наступления момента старости / дряхлости / непригодности и преподнесения достойной жертвы с целью обеспечения гармонии в «этом мире».

Тема ряжения на Масленицу в региональном материале отразилась в традиции катать на лошадях молодухек с прялками и мялками. Примечательным в этом контексте является образ молодухки – булгачки, способной к деторождению, продолжению человеческого рода, для которой после Масленицы наступал период ткачества. Т. А. Бернштам ткачество и шитье одежды причисляет к женским символам и отмечает «животную женскоплодоносную энергию “ткачихи”» [4, с. 202]. Особое внимание обратим на то, что молодухка обязательно должна была быть подпоясана. О. В. Лысенко отмечал: «Пояс несет в себе мощный слой семантики, связанный с темой плодородия, сексуальной силы, деторождением» [6, с. 90]. Также обращает на себя внимание костюм молодухки: ряженки «рядились в старушечьи обряды», что, видимо, связано с семантикой старых вещей, которые «исчерпав свои потенции в культуре, приближаются к границе природы, утрачивая свое место в структу-

рированном пространстве культуры» [6, с. 73]. Это могло символизировать окончательный «переход» молодки в социовозрастную группу взрослых женщин, для которых теперь главным занятием будет ткачество и деторождение. С другой стороны, могло символизировать и «переход» от одного календарного времени «осени – зимы», когда главным занятием было прядение, к другому – «весне – лету» – сезону ткачества. «После Масленицы, айда наряжай стан!» (Н. С. Копытова 1935 г. р.). Т. А. Бернштам отмечала, что «прядение традиционно было связано с темным временем в году (зима) и суток (вечер, ночь). И это был первый (низший) этап «творения», второй (высший) этап был связан с ткачеством [3, с. 162]. Поэтому семантика прядения и ткачества позволяет поставить традицию катать на Масленицу молодухек с прялками, мялками в единый семантико-мифологический контекст «творение / обновление мира», что обеспечивало «ритмическое единство космоса и социума» [3, с. 132]. Т. А. Агапкина, кроме всего прочего, связывает традицию имитировать участниками масленичного поезда прядения, ковку железа и другие хозяйственные действия с помощью соответствующих орудий с семантикой начала.

Таким образом, в региональной традиции масленичные ритуалы во многом сохранили архаические корни и мотивы практически до конца XX столетия, конечно, с некоторой долей переориентации их функциональной нагрузки. Они перешли из области глубоко сакрального ритуального мира в сферу ритуализованных развлечений, но при этом они структурировали социум и жестко определяли границы и функции разных возрастных групп: подростки учили младших, посредством опыта старших; младшие учились у подростков, почитая старших. Таким образом, круг замыкался: конец совпадал с началом, начало с концом, срединная же точка связана со старшими / предками, которые должны были обеспечить хорошую, долгую, богатую жизнь / судьбу / долю при условии правильного соблюдения молодежью «обучающей науки».

Литература

1. Агапкина Т. А. Этнографические связи календарных песен: встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. – М., 2000.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
3. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. – Л., 1988.
4. Бернштам Т. А. «Хитро-мудро рукодельнице»: вышивание, шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян //

Женщина и вещественный мир культуры у народов России Европы: сборник МАЭ. Т. LVII. – СПб, 1999. – С. 191–247.

5. *Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М., 2003.

6. *Лысенко О. В.* Феномен ткачества в архаичной модели мира (опыт описания традиций ткачества восточных славян на уровне концептуальной модели: нить – пояс – полотно. Технологический и семантический аспекты) // Традиционные верования в современной культуре этносов. – СПб., 1993. – С. 71–103.

А. Е. Хомякова, А. И. Воробьев

ОБРЯД ПЕРЕПЕКАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЯХ

Перепекание ребенка – это обряд, совершаемый над младенцами, больными рахитом или собачьей старостью (по народной терминологии). Иногда ритуал совершался и при других болезнях. Ребенка клали на хлебную лопату и трижды всовывали в теплую печь, которая в обряде символизировала одновременно и рождающее женское лоно, и могилу, смерть. Символика печи в обряде достаточно многозначна. Печь могла отождествляться не только с женским лоном, но и представлялась источником самой болезни, на что указывает формула, произносимая во время обряда: «откуль пришло туды и пошло!»¹. Перепекание совершалось для того, чтобы убить болезнь и возродить ребенка уже здоровым, которого заново крестили и давали ему новое имя. Возможно, выражение «новоиспеченный» восходит к обряду перепекания. «В России обряд был известен преимущественно в Поволжье, центрально- и южнорусских губерниях, а также в Сибири, на Украине <...>. Украинская баба-знахарка на рассвете приносила из трех колодцев воды, замешивала тесто, пекла хлеб и, вынув хлеб из печи, всовывала туда на лопате ребенка. Как и повсюду у восточных славян, обряд мог сопровождаться диалогом»². Информанты сообщали о наличии обряда и у белорусов, преимущественно в Витебской, Гродненской, Минской губерниях, а также на Гомельщине. Здесь его совершали следующим образом: «Мать больного ребенка сажала его на лопату, обмывала его водой, которой приглаживали хлеб, и несла к печи, как будто собираясь посадить туда вместе с хлебами, но только клала лопату на припечик», откуда ребенка с лопатой снимала уже другая женщина после ритуального диалога с матерью³.

Обряд сохранил свою актуальность даже в конце XX в. Его бытование зафиксировано в Омском Прииртышье в с. Кейзес Седелниковского района⁴ и в Тюменской области в с. Ермаки Викуловского